

Людмила
СИПКО
Украина

ПО ЗАКОНАМ СВОБОДНОГО ЖАНРА

О повести Г. Талановой «Одинокое плавание»,
достоинной премии журнала «Север» за 2012 год

Повесть Галины Талановой «Одинокое плавание» следует признать достаточно самобытным художественным явлением. По основным жанровым признакам ее можно отнести к той разновидности прозы, за которой в литературоведении закрепилось название «субъективированной»: повествование в ней как бы пропускается сквозь призму сознания главного героя. И хотя в «Одинокое плавание» оно ведется от третьего лица (такая форма, казалось бы, призвана «объективировать» описываемые события и характеристики героев), однако в произведении происходит какой-то внутренний парадокс – и в зримом тексте повести, и между строк то и дело прочитываются оценки происходящего не автором-рассказчиком, а главной героиней.

Но иначе, пожалуй, и быть не может: в повести (по воле автора или против нее?) отчетливо ощущается личность ее создателя: не остается и тени сомнения, что все рассказанное глубоко пережито на эмоционально-чувственном уровне, а главная героиня выражает мировосприятие самой писательницы.

И все же мы бы не рискнули однозначно причислить «Одинокое плавание» к автобиографическому жанру. Однако абсолютно достоверным остается то, что в этом произведении неразрывно смешались разнородные стилевые стихии: дневниковая обна-

женность факта и глубокая философская медитация, тяготение к «протокольной достоверности» и причудливая ассоциативная образность, резкие эмоциональные всплески и холодная рассудочность повествования. Именно на стыке этих разновекторных художественных приемов родился индивидуально-авторский прозаический жанр.

О подобного рода произведениях М. Эпштейн говорил, что они не обременены излишней беллетризацией, которая требует сложного сюжета и вымышленных персонажей, а глубина содержания в них обеспечивается изображением самого хода жизни, она несет «груз размышлений и правду происходящего без того, чтобы перекладывать их на плечи «подставных» лиц» (Эпштейн М.Н. Законы свободного жанра. – «Вопросы литературы». – 1987. – № 7).

В «Одинокое плавание» событийное начало заметно вытесняется началом исповедальным, что способствует сближению произведения с лирической прозой. Ослабленная фабула позволяет автору повести сосредоточить основное внимание на личном факторе, который диктует выбор приемов изображения действительности (например, отсутствие диалогической речи).

Доминирующим объектом исследования в произ-

ведении становится сложный микромир главной героини. Элегические интонации вперемешку с тонкой иронией создают тот неповторимый «интеллектуальный стиль», который позволяет автору «Одиночного плавания» достичь максимальной открытости в выражении своих жизненных ценностей, предельной откровенности в оценках сложных взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

Казалось бы, все абсолютно реально, по законам классического жанра: извечные перипетии женской судьбы. Но главная героиня Светлана, как характеризует ее автор, – «нестайная птица» (недаром «никто не понимал ее птичьего языка»). А поэтому внутренний мир этой женщины далек от однозначных характеристик – он соткан из сплошных противоречий. С одной стороны – неумное желание вырваться из замкнутого круга монотонной жизни, в которой дни «без цвета, запаха и вкуса». Но с другой – вечная боязнь получить вместе со спутником жизни лишь «иллюзию того, что ты не одинока».

В повести, как и в самой Светланиной жизни, исподволь происходит деление на две части: до Одиссея и после встречи с ним. Первая часть подвержена особенной стиливой психологизации, которая способствует максимальному раскрытию внутреннего мира героини. Это необходимо по той причине, что рядом со Светланой пока нет того человека, который мог бы составить ей достойную конкуренцию в оценке сложного круговорота бытия и глубине осмысления происходящего.

Образ главной героини уже с самого начала произведения вполне самодостаточен. А поэтому описанные рядом с ней мужчины – скорее не литературные персонажи, а условные символы. У них даже имен нет! Просто «муж», «супруг», с которым они «жили с чувством, что в любой миг можно все переписать и начать сначала». А в номинациях следующего мужчины Таланова поражает читателей мастерски использованным приемом, который можно назвать «однообразие многообразия». «Художник», «мальчик из юности», «мальчик из параллельного класса», «мальчик из ее детства», «одноклассник», «приятель», «человек»... Вот так запросто создается не образ, а его иллюзия – тень на стене. И когда она исчезает, появляется чувство «цинковой пустоты», которое рождает у Светланы желание жить «с плотными завязанными глазами».

Неспроста лейтмотивом повествования становится трагедия женского одиночества – «обреченность на одиночество» (точнее автора трудно сказать!). «Это одиночество было и когда Света была молодой». Его печать неизменно лежит на ее судьбе и в зрелом возрасте. Да и может ли быть иначе, если находящиеся рядом два человека не могут найти тех точек соприкосновения, которые бы по-

роднили их души? В зарисовках жизни мужчины и женщины, когда они, как токующие тетерева, слышат лишь себя самих, Таланова прибегает к детальному изображению убийственного отчуждения. Писательница умышленно нагромождает однотипные фразы, которые своей монотонностью создают обнаженный эффект гиперболы: «ее пугала его резкость», «ее пугали и некоторые его поступки», «ее настораживало его ежемесячное бегство в столицу», «ее страшили его бесцеремонность и непрактичность», «ее пугали его деньги».

Стиль повествования настолько разнолик, что порой обычные бытовые детали начинают «обрастать» глубинной медитацией, поражающей читателя какой-то импрессионистской насыщенностью и завораживающей звукописью: «...граненая стекляшка начинала медленно нагреваться в ее руке, рождая одурманивающий эфирный запах, генерируя предчувствие какой-то еще непостижимой беды; стаканчик становился горячим, обжигал подушечки вцепившихся в него пальцев, и росло, как наддуваемый воздушный шарик, ощущение того, что стаканчик сейчас взорвется – и разлетится вдребезги, рана и уродуя все, что попадет по ходу траектории разлетающихся осколков».

Интерес к повествованию с самого начала повести держится не столько на самих событиях, сколько на их восприятии и оценке главной героиней. Происходящее то и дело пропускается через призму Светланиного мироощущения. Сильная женщина, которой так хочется хоть иногда побыть слабой... Именно в этом жизненном парадоксе вынуждена существовать героиня Галины Талановой. Предельная оголенность чувств, можно сказать, их анатомическое «препарирование» – вот главный стиливой признак «Одиночного плавания».

Безостановочная игра воображения главной героини порождает неожиданные, иногда парадоксальные ассоциации: в разрисованной стене она видит городецкую матрешку, прошлое представляется Светлане старым пожелтевшим чертежом, эмоции – бурлящей в чайнике водой, жалобы и просьбы кажутся комарами над непокрытой головой, воспоминания – заиленным камнем, серьезные откровения – прорвавшей водопроводной трубой, а жонглирование фразами – игрой в бадминтон.

Ассоциации сменяются философскими рассуждениями о вечном, нередко приобретающими форму афоризмов: «Одиночество – это время подумывать», «Возраст – это груз несбывшегося и несбыточного», «Предчувствие счастья всегда оказывается сильнее самого счастья», «Возраст – это то, что все уже знают, а ты еще не догадываешься», «Чтобы выжить, надо строить иллюзии», «Возраст измеряется ценой душевных затрат», «Жизнь человеческая

слишком долга для одной любви», «Каждый имеет то, к чему так или иначе шёл» и др.

С появлением в жизни главной героини Одиссея вектор повествования в «Одином плавании» словно бы разделяется между двумя равнозначными полюсами. Наконец-то найден настоящему интеллектуальный герой, который может составить Светлане конкуренцию в плане постижения житейской мудрости.

Но здесь в повести обнаруживается ее очередной жанровый парадокс. Хотя львиная доля внешнего повествования приходится на линию Одиссея (рассказ о его первой жене, подробности жизни Одиссея с Дорой, его отношения с дочерью), но это преимущество – кажущееся. Для подтверждения своего тезиса обратимся к тексту произведения:

Одиссей:

– Видимо, пришло время рассказать вам всё о своей жизни.

Светлана:

– А я почти всё знаю, кроме ваших мыслей. Современная жизнь с её возможностями бывать на личных страницах Интернета позволяет подглядывать в замочную скважину.

Можно даже мысли подглядеть, только если человек хочет ими делиться, выставлять на всеобщее обозрение. Вы вот не всегда делитесь. Но всё равно о многом догадаться можно.

Как видим, все сведения об Одиссее Светлана собрала сама. «Гольфстрим Интернета» открыл перед ней огромные возможности. Она то и дело бродила по всем сайтам и чатам, где оставлял свои следы зацепивший ее мужчина, в социальных сетях обнаружила фотографии Одиссея, открыла странички Доры с откровенными отрывками из ее дневника, посетила «черно-белую страничку» Даши... А потом все это сложилось в общую картину, которая по форме повествования хоть и претендует на объективность, но на самом деле представлена под углом зрения Светланы. А поэтому в подтексте рассказа об Одиссее мы, прежде всего, слышим мысли и видим душу главной героини повести.

Сумбур и смятение чувств, под влиянием которых находится Светлана, лишают линию Одиссея сюжетной целостности. События приобретают «неуправляемый» композиционный ритм: они отмечены зигзагообразностью не только событийного, но и мыслительного рисунка: «Теперь Светлана выстраивала в цепочку всё, что знала о нём. Одно цеплялось за другое, порядок звеньев был не важен. Цепочка была непрочная, и разорвать её можно было лёгким рывком». Одиссей, Дора, Даша, опять Дора, снова Одиссей, потом Дора... Смена планов повествования иногда происходит как внезапный обрыв, разрушающий внешние логические связи. Но в хао-

тичном, казалось бы, сюжетном рисунке неизменным остается главное внутреннее звено – это линия Светланы, к которой, как металлическая стружка к магниту, тянутся осколки биографий всех героев.

В стиливой рисунок «Одиночного плавания» свой оригинальный окрас вносят воспоминания: в повести тесно переплетается настоящее и прошедшее время. Переход из одного времени в другое обусловлен свободным потоком мыслей героини, которые поражают то эмоциональностью и экспрессией, а то холодной логикой и рационализмом.

Хронотоп произведения расширяется за счет многочисленных ретроспекций. Иногда они становятся важными элементами сюжета – экспозициями к отдельным его линиям (например, биография Одиссея до его встречи с Дорой, воспоминания Доры о жизни в родительском доме, рассказ о детстве Даши и др.). Но порой ретроспекции выполняют лишь функцию деталей: воспоминания Светланы о котенке на даче, о «ее последней елке», о «вечернем купании в заходящем солнце», о смерти отца, бабушки и мамы, воспоминания Одиссея о разводе с женой, воспоминания Доры о встрече со слепыми в ЖЕКе и о молодости ее мамы и др.

«Классическую» цельность текста «Одиночного плавания» нарушают вставные фрагменты: это переписка Светланы с Одиссеем «online». Возможно именно в ней – основной нерв всего авторского повествования. Из этих писем (порой коротких, порой – пространных) становится особенно видно, насколько близки по духу главные герои повести. Это заметно как в начале их отношений, так и в финале произведения. Они оба философствуют, на одной волне размышляют о превратностях человеческих судеб. Светлана: «Бывает иногда такое внутреннее состояние, когда всплывают в памяти лица, вызывающие сожаление, что прошёл мимо них». Одиссей: «Очень жалею, что дрогнула стрелка часов и отклонила маршрут, пронеся мимо, пожалуй, очень близкого человека».

И Светлана, и Одиссей склонны к глубоким рефлексиям. Осмысление совершённых поступков, углубление в собственный внутренний мир порождает у обоих героев множество риторических вопросов. Светлана: «Почему мы видим жизнь так, как нам хочется её видеть?.. Почему, приобретая опыт, человек становится хуже? Злее, расчётливей, безнравственней? Казалось, что должно быть наоборот. Ан нет. Неужели потому, что перестаёт видеть в жизни чёрное и белое, как в юности? А понимает, что существуют и другие цвета и оттенки спектра?»

Одиссей в попытках самопознания часто говорит о себе в третьем лице: «Почему он постоянно ловит себя на мысли, что ему хочется бежать от

неё [Доры] куда глаза глядят?.. Может быть, это ему божья кара за то, что он запрыгнул в чужой вагон? А чем виновата Дора? Тем, что поспешила быть счастливой?»

Философские медитации героев становятся неуместными, а потому и исчезают как дым при встрече tet-a-tet. И хотя в лирической прозе не принято искать элементы сюжета, но, с нашей точки зрения, кульминация линии «Светлана – Одиссей» все-таки может быть определена. В ней проступает и виртуозное мастерство автора повести в создании эпизода, и глубокий психологический анализ, и тонкое изображение того душевного напряжения, которое поднимает отношения двоих на высшую эмоциональную точку: «Они почти не разговаривали, сидя на краешке кресел, и совсем не потому, что не было темы для разговора, а потому, что она была слишком велика, чтобы её поднять. Всякое неловко брошенное слово могло нарушить неустойчивое равновесие, которого им удалось достичь: они будто сидели на концах ненадёжно уравновешенной доски, под которую было подсунуто сваленное сучковатое дерево, и если один из них подался бы к другому хоть на полметра, то равновесие бы нарушилось и они соскользнули бы в неизбежность. Стать глухонемым: говорят, что глухонемые прекрасно договариваются друг с другом без слов».

Возможно, именно описание этой встречи главных героев предопределило и своеобразный финал произведения. Его открытость позволяет читателям самим домыслить незавершенную историю. Ведь сама главная героиня пыталась и не могла «разгадать то, что так и осталось неразгаданным и почему-то всё время не давало ей покоя».

Индивидуальный стиль автора «Одиночного плавания» не может не поражать богатством и разнообразием художественной речи. Возможно, определенным образом это связано с тем, что Галина Таланова – не только прозаик, но и оригинальный поэт. Она и в прозе верна своему поэтическому мышлению, которое окрашивает «Одиночное плавание» в лирические тона (неспроста ее главная героиня пишет стихи). В повести немало оригинальных портретов и интерьеров. Но особенно красотой поражают многочисленные пейзажи, представленные через призму видения женщины с тончайшей душевной организацией: «На звёздном небе то тут, то там оглушающе взрывались разноцветные кометы, рассыпаясь на десятки завораживающих своим диковинным звездпадом осколков, медленно спускающихся на землю по эллиптическим траекториям, напоминающим купол раскрывшегося парашюта, и гаснущих один за другим, не долетев до земли. Тихо таяли и неотвратимо растворялись разноцветные эти звёзды, оставляя за собой светящиеся шлейфы, безмятежно выцветающие в скучный белёсый след, рассеивающийся невесомым дымком. Но уже взорвалась новая ракета – и снова весёлые цветные огоньки бежали наперегонки, будто по связке бикфордовых шнуров...»

«Одиночное плавание» Галины Талановой требует «подготовленного» читателя – его нельзя упрощать до поисков занимательности в сюжете. Смелое новаторство в жанре, стилевые и композиционные эксперименты, нестандартные приемы выражения авторской позиции – все это позволяет поставить повесть в ряд лучших произведений современной русской прозы.

□

Людмила Михайловна СИПКО

родилась в Черниговской области (Украина).

Окончила филологический факультет

Киевского национального университета имени Т. Шевченко.

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка и литературы

Тернопольского национального педагогического университета

имени В. Гнатюка.

Автор более 70 научных и методических работ.

В журнале «Север» публикуется впервые.

